

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР
АНАТОЛИЯ КУЧЕРЕНА

АНАТОЛИЙ
КУЧЕРЕНА

АНГЕЛ
МЩЕНИЯ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К95

Оформление серии художника *В. Щербакова*

Иллюстрация художника *В. Петелина*

Кучерена, Анатолий Григорьевич.
К95 Ангел мщения / Анатолий Кучерена. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Политический триллер Анатолия Кучерены).

ISBN 978-5-699-94814-7

Июль 1998 года. У себя дома убит генерал Лев Лихоборов, который жестко критиковал президента страны и, по некоторым данным, готовил военный переворот. Его жена Лариса сразу же заявила, что это она застрелила мужа. Суд признал ее виновной и приговорил к восьми годам лишения свободы. Но с решением суда не согласен адвокат Ларисы. Он собирает и изучает все факты из жизни генерала и неожиданно обращает внимание на человека, с которым генерал пересекался во время службы в Афгане, причем при весьма драматических обстоятельствах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94814-7

© Кучерена А., 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Сюжет и главные герои данного повествования
являются плодом воображения автора,
что делает случайным всякое совпадение
с реально существующими людьми и реально
происходившими событиями.*

А. Кучерена

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НИЧТО НЕ ПРОХОДИТ

Не следуй за большинством на зло и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды.

Исход. 23:2

Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло.

Экклезиаст. 8:11

АФГАНИСТАН, 1989 ГОД

Над Гиндукушем выли злые январские вьюги. Перевал Саланг тонул в снежной мгле, вершина Карахоля плыла сквозь вихри словно гигантский корабль. На южном склоне в небольшой ложбине ветер трепал ротную армейскую палатку с белыми простынями и распоротыми наволочками, нашитыми поверх брезента для маскировки.

Внутри царил полумрак, рассеиваемый двумя керосиновыми лампами. Железные печки, крашенные серебрянкой, бойцы топили сухим спиртом, чтобы не выдать себя дымом. Поэтому в палатке стоял госпитальный запах. Фармацевтика смешивалась с тяжелым портяночным духом и ароматами тушенки, разогреваемой на печке.

Повсюду были развешены для просушки маскхалаты, шерстяные носки и рукавицы. Несмотря на высокогорье, в палатке было сыро, как в бане. Люди

просыпались утром, выбирались из влажных спальных мешков и жаловались, что у них болят суставы, словно у стариков.

Но стариков в палатке не было. В ней собрались только молодые сильные мужчины, профессионалы, или, как говорили в армии, спецы.

Здесь жили два отделения саперов из минно-подрывного взвода под командованием майора Ковалева, десяток армейских разведчиков во главе с капитаном Кивриным, инструктор по горной подготовке старлей Таурели и трое гражданских, гляциологов, приехавших из Главной геофизической обсерватории. Общее командование осуществлял подполковник из штаба группировки, известный на весь Афганистан под кличкой Дед.

Столь пестрый состав и чрезвычайные меры предосторожности, соблюдаемые обитателями палатки, объяснялись той особой задачей, которая была поставлена перед ними командованием Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Война в этой стране, не очень-то гостеприимной для любых чужаков, подходила к концу. Советский Союз выводил свои части, почти десять лет выполнявшие тут тот самый интернациональный долг.

В отличие от англичан, шурави, как афганцы называли пришельцев с севера, не пытались поработить и колонизировать Афганистан. Вторжение СССР в эту страну было скорее попыткой оградить ее жителей от влияния заокеанских «союзников», пытавшихся всеми правдами и неправдами залезть в подбрюшье Советского Союза, продолжать на правах преемников Великобритании так называемую большую игру.

Капитан Игорь Киврин вернулся с проверки постов и тяжело уселся на пустой ящик из-под сухого спирта. Внутри палатка с помощью брезентовых полотнищ была разделена на несколько зон. Саперы, разведчики, гляциологи и альпинист Таурели жили по отдельности, офицеры тоже, плюс еще закуток для Деда.

Киврин был в Афганистане во второй раз. Впервые он попал в эту страну гор, камней, снега и огня еще лейтенантом, но прослужил в мотострелковом полку, дислоцированном под Файзабадом, буквально несколько недель. Полк был разбросан по различным населенным пунктам, и лейтенанта Киврина назначили ответственным за связь между ротами второго батальона. Собственно, он ничего толком не успел сделать. Организовал бесперебойную доставку батарей для раций, выбил в штабе полка два дополнительных комплекта полевых телефонов — вот, собственно, и все.

А потом откуда-то сверху, чуть ли не из штаба округа, поступил приказ провести срочную операцию в горах. Там стояла древняя крепость, захваченная душманами. Ее разбомбили с воздуха, требовалось очистить местность от остатков духов, как в войсках именовали афганских боевиков.

Киврин попал в состав сводного батальона, а тот угодил в засаду в ущелье. Был бой, первый в жизни Игоря Киврина. Тогда рядом с ним погибли несколько человек, а сам он получил ранение.

Его память странным образом не зафиксировала подробностей — только долгий, изматывающий переезд на броне БМП, потом каменистый склон, стрельбу и чувство обреченности, возникшее после

резкого удара в левое бедро. Наверное, это был такой своеобразный защитный механизм, отсекающий всю жуть, все, связанное со смертью.

После госпиталя Киврин получил медаль «За отвагу» и три года служил в Союзе в разных частях. Он стал старлеем, имел благодарности от командования, но гарнизонная служба казалась ему пресной и серой, душа просила настоящего дела. В восемьдесят седьмом Киврин подал по команде рапорт с просьбой направить его в Афганистан. Рапорт был удовлетворен. С тех пор прошло два года.

В офицерском отсеке было душно, от облупленных боков круглой печки шел сильный жар, но вездесущая влага никуда не исчезала, и под потолком палатки клубился туман. Он оседал на брезенте ледяной коркой, и дневальные трижды в день должны были обдирать ее штык-ножами.

Прапорщик сапер Аверин, разведчик старший лейтенант Гороховский и два гляциолога, тертые жизнью матерые экспедиционники, зимовавшие в Антарктиде и Арктике, играли в карты на сигареты. Перед Авериным лежала целая пачка, гляциологи тоже были в прибыли, а старлей проигрывал и оттого злился.

— Коля, — позвал Гороховского Киврин. — Кончайте это Монте-Карло. Проверь стволы, завтра опять на снег.

— Да, сейчас! — отмахнулся Гороховский, тряся картами.

— Коля! — чуть повысил голос Киврин.

Старший лейтенант вздохнул, виновато развел руками и кинул карты рубашками вверх на зеленый ящик из-под взрывчатки, служивший столом.

— Все, мужики, я пас. Отыграюсь в другой раз.

Он натянул свитер и ушел в оружейку.

— Леонидыч, садись за него, — позвал Аверин, обращаясь к Киврину.

— Я ж не курю, — с усмешкой сказал Игорь. — И вы тоже заканчивайте. Завтра далеко топать, вставать раньше надо будет.

— Ох, ох, ох, ох, что ж я маленьким не сдох, — пропел сиплым голосом гляциолог Захаров, маленький человек с неожиданно ярко-синими глазами на темной, словно закопченной физиономии.

— Когда ж это кончится-то, а? — собирая карты, спросил в пустоту Тропович, второй гляциолог, и на его интеллигентном, профессорском лице появилась недоуменная гримаса.

— Вы же знаете, Виталий Петрович, — заметил Киврин. — Когда войска пройдут через перевал. До того момента сидеть нам здесь и ходить на склоны. Что поделать — служба.

— Работа, — поправил его Захаров.

— У кого как.

Аверин встал, сунул руки в карманы пуховых альпинистских штанов.

— Это кто на что учился, хлопцы. У нас служба, у вас — работа. Но если что — ляжем рядом. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно.

Гляциологи переглянулись и молча вышли. Следом за ними ушел и сапер.

Оставшись в одиночестве, Киврин прикрутил фитиль керосиновой лампы, завалился на раскладную кровать поверх спальника и закрыл глаза. Нужно было поесть, попить горячего и только потом ложиться, но капитан Игорь Киврин знал, что если он сделает это, то не уснет потом до двенадцати, а в пять утра ему вести группу в горы.

Это продолжалось почти два месяца. Каждое утро саперы влезали в лямки рюкзаков с взрывчаткой.

Дед утверждал маршрут и коротко напутствовал группу:

— Осторожнее там.

Разведчики шли первыми. Следом двигались старлей Таурели и гляциологи, нагруженные своими термометрами, пиргелиометрами, актинометрами и прочими приборами. За ними шагали саперы и еще двое разведчиков Киврина в качестве тылового охранения.

Поднявшись на горный склон, ледник или скальный карниз, военные люди отдыхали. Ученые бродили вокруг, мерили температуру снега и льда, солнечную радиацию и определяли загадочное альbedo, о котором слышал каждый в группе, но никто, кроме гляциологов, не знал, что это такое.

Наконец Захаров или старший из ученых, профессор Руслан Маратович Зайнуллин, крупный породистый мужчина с гривой седеющих волос и близорукими глазами, указывали место. Мол, здесь!

Саперы короткими ломиками долбили в твердом снегу, льду, а иногда и в камне шурфы, в которые закладывалась взрывчатка. Прапорщик Аверин устанавливал радиодетонаторы. Бойцы заваливали заряды камнями, засыпали снегом так, что наружу торчал только усик антенны.

Все отходили на безопасное расстояние. Потом саперы подрывали заряды, и по склону катилась с тяжелым железнодорожным гулом рукотворная лавина. Она заваливала горные проходы сотнями тонн снега и льда.

Все члены группы с чувством выполненного долга возвращались в свою палатку. На следующий день они вновь шли, но уже на другой склон. Саперы вор-

чали, что их работа никому не нужна. Это несусветная глупость. Все должна была делать авиация или на худой конец артиллерия.

Киврин знал, что они ошибаются. В условиях низкой облачности и туманов бомбы, ракеты и снаряды не смогли бы выполнить то, что должна была сделать группа, то есть перекрыть лавинами горные тропы.

Советские войска покидали Афганистан через перевал Саланг, единственные ворота, соединяющие южную часть страны с северной. Туннель, еще в шестидесятые годы пробитый в горах нашими инженерами и метростроевцами, многокилометровые бетонные галереи и дорога, выющаяся над пропастями, были очень уязвимы для диверсионных групп моджахедов. Так теперь, в конце войны, именовались формирования боевиков, воевавших против шурави.

Войсковые колонны растягивались на многие километры. Бронетехника, грузовики, тягачи с прицепами, артиллерия, госпитальные машины, технические службы — все это медленно двигалось по дорогам. Если на склоне вдруг случится один взрыв, то произойдет обвал. Колонна встанет, сразу сделается уязвимой для атак моджахедов.

Операция «Тайфун», проведенная сразу после начала вывода войск, не принесла ожидаемых результатов и озлобила полевых командиров. Ахмад Шах-Масуд даже отправил в адрес советского посла в Афганистане Воронцова телеграмму, в которой говорилось: «Жестокие и позорные действия, которые ваши люди осуществили на Саланге, в Джабаль-ус-Сарадже и других районах в последние дни вашего пребывания в этой стране, уничтожили весь недавно появившийся оптимизм. Напротив, это заставляет нас верить, что вы хотите любым путем навязать на-

шему мусульманскому народу умирающий режим. Это невозможно и нелогично».

Армейская разведка еще в ноябре получила сведения о том, что в пакистанских лагерях и на базах моджахедов в Бадахшане готовятся специальные диверсионные группы, способные пройти по перевалам Гиндукуша до Саланга, чтобы подорвать туннель, перерезать дорогу и заблокировать части Сороковой армии. Это грозило гибелью тысячам советских солдат.

Саланг и без моджахедов регулярно собирал кровавую дань с шурави. В туннеле за годы войны от выхлопных газов бронетехники задохнулись в общей сложности около восьмидесяти человек. Камнепады и лавины добавили к этой страшной цифре еще несколько десятков жертв.

Дорога и туннель были необходимы Сороковой армии, как водолазу — воздух, подающийся по шлангу. Диверсантов нужно было остановить. В штабе группировки приняли решение высадить в горах несколько мобильных групп, прошедших особую подготовку и имевших большой боевой опыт. Эти спецподразделения доставили духам немало головной боли.

Но Гиндукуш огромен, это целая горная страна, сотни и сотни километров хребтов, перевалов, вершин, скал, ледников, долин, ущелий. Выслеживать там диверсантов — искать иголку в стоге сена. Командование не имело права на ошибку.

Тогда-то и был разработан план, рискованный, но при точном исполнении гарантирующий благополучный исход. Суть его сводилась к тому, чтобы перекрыть противнику саму возможность подхода к перевалу Саланг.

В горах можно передвигаться лишь по определенным маршрутам, по тропам и оврингам, через седло-

вины и перевалы, да и то лишь в хорошую погоду и при отсутствии осадков, попросту говоря, снега. От идеи вызвать с помощью опыления облаков ядрами конденсации обильные снегопады и запечатать горные проходы в штабе отказались сразу. Те же снегопады обрушились бы и на дорогу до Саланга, перекрыли ее.

Тут в штабе вспомнили про опыт Великой Отечественной. Тогда на Северном Кавказе группы альпинистов и саперов взрывали снежные шапки на вершинах гор. Лавины преграждали путь альпийским стрелкам из дивизии «Эдельвейс».

Киврин открыл глаза и посмотрел на портрет Высоцкого, вырезанный из журнала и приколотый к брезенту. Песни из его альпинистского цикла он знал наизусть еще со школы.

Мерцал закат, как блеск клинка,
Свою добычу смерть искала.
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалам.

Отставить разговоры.
Вперед и вверх, а там —
Ведь это наши горы,
Они помогут нам.
Они помогут нам!

«Наверное, Кавказ — это наши горы, но Гиндукуш — точно чужие. И они нам не помогут», — с этой мыслью Игорь снова закрыл глаза.

Он слышал, как усилившийся ветер толкал стенки палатки, как почти осязаемо ворочались над его головой в близком небе огромные снежные массы, и понимал, что атмосферное давление быстро становится ниже. Здесь, в горах, каждый научился чувствовать та-